18+

Александр Владимиров

Товарищ курсант, я вас узнал!

Александр Владимиров

Товарищ курсант, я вас узнал! Рассказы

«Издательские решения»

Владимиров А.

Товарищ курсант, я вас узнал! Рассказы / А. Владимиров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830380-7

Рассказы подполковника запаса А. Ю. Владимирова о его службе курсантом военного училища в Новосибирске и молодым офицером в Венгрии в 1970-е годы. Забавные истории, полные доброго юмора, легкой ностальгии и философских умозаключений, будут интересны самому широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-830380-7

© Владимиров А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление 6
Товарищ курсант, я вас узнал, 8
Писателями не рождаются 10
Катарсис, 13
Курсантская рыбалка 18
Барабанщики 20
Портрет 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Товарищ курсант, я вас узнал!
Рассказы
Александр Владимиров

© Александр Владимиров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Удивительная вещь – человеческая память. Она и друг, и учитель наш, утешитель и искуситель, и строгий судья. Память – это дар свыше, возможность человека и человечества в целом противостоять неумолимому времени.

Средневековый мыслитель рассуждал: прошлого уже нет, будущего еще нет, а время – это лишь врата, через которые будущее вытекает в прошлое. Человеку не дано заглянуть в будущее; но отними у него память – и он обречен быть дрожащей веточкой в тех самых вратах.

К памяти мы идем за утешением, за оправданием поступков, совершенных или задуманных, идем за глотком чистого воздуха, имя которому – бескорыстие; идем исповедоваться и каяться, идем настроить струны души, которые со временем начинают фальшивить. Идем к самим себе.

* * *

…Семидесятые годы двадцатого века

Цены и зарплаты на шестой части суши незыблемы, как египетские пирамиды, а годовщина Великого Октября воспринимается жителями нашей страны таким же бесспорным временным ориентиром, как сотворение мира и Рождество Христово.

Уже выросло, пройдя через оттепель шестидесятых, послевоенное поколение, и деловито, без суеты, стало «средним звеном» советского общества: начальниками цехов, завучами школ, инструкторами райкомов партии и командирами батальонов.

Страна штурмует космос, Арктику и Северный полюс, увеличивает добычу нефти и выплавку чугуна. В душе советского человека соседствуют гордость за великие свершения и досада на мелкие недостатки, которых в нашей жизни немало.

Руководство страны неустанно борется за мир во всем мире, особенно настойчиво – почему-то в далеком Гондурасе.

Во время дружеских застолий вперемежку поют и «дворовый шансон», и песни военных лет, и «битлов». Обыватель переворачивает страницу книги музыкальных пристрастий от поднадоевших тяжеловесных рокерских композиций к веселому и бесшабашному диско. Официально неверующая страна интуитивно все-таки понимает, что одним из смертных грехов является уныние, и широко, с удовольствием отмечает праздники – и революционные, и светские, и церковные. Уныние с позором изгоняется из общественной жизни…

Все меньше времени остается до запланированной победы коммунизма «в отдельно взятой стране». Впрочем, в эту победу народ верит, мягко говоря, куда меньше, чем в шестидесятые; но и вспоминать о том, что руководители партии и правительства обещали к тысяча девятьсот восьмидесятому году наступления эры благоденствия, считается дурным тоном, попахивающим политической незрелостью…

Хотя именно в восьмидесятом Олимпийские игры в Москве заставят биться в унисон сердца огромного народа и вспомнить, что мы живем в лучшей в мире стране.

Но в такт прощальной олимпийской песне защемит сердце, и мы, глядя вслед улетающему Мишке, начнем осознавать, что заканчивается очень значимая для каждого из нас эпоха, а шестая часть суши входит в зону перемен, разочарований и новых надежд.

* * *

И еще это время – особый период развития Вооруженных Сил СССР. Да, да, по правилам грамматики того времени, все эти слова – Вооруженные Силы СССР – писались с большой буквы. И, надо сказать, вполне заслуженно!

Армия в эти годы – один из самых влиятельных институтов общества. Это и «социальный лифт», позволявший парням из глубинки подняться к властным структурам разного, в том числе и самого высокого, уровня. На эти годы приходится апогей развития системы военного образования: многочисленные учебные заведения готовят самые разнообразные кадры – от сержантов до преподавателей военного искусства и философии.

Курсанты военных училищ и академий, обучаясь в крупных городах, имеют возможность доступа к библиотечным и архивным фондам, театрам и музеям. Чтение художественной и исторической литературы в те годы – одна из популярных форм проведения досуга военнослужащих. В их личных библиотечках появляются Куприн и Булгаков.

Армия в те годы, как это ни парадоксально – самое мощное «туристическое бюро»: сотни тысяч советских граждан с семьями выезжают за «железный занавес», от Кубы до Монголии, для выполнения служебных обязанностей. Подобно тому, как офицеры эпохи наполеоновских войн привезли в своих походных сумках воздух свободы, офицеры 1970-х, служившие за границей, с исправностью добросовестного почтальона доставляли через пограничные и таможенные кордоны нечто большее, чем вещественные доказательства несовершенства советской пищевой и легкой промышленности… Однако в «дальнем заграничье» для многих неожиданно выясняется, что постулат доморощенного космополита «где кормят, там и родина» есть не что иное, как недостойный человека примитивизм, а заезженное слово «патриотизм» наполняется новым глубоким содержанием.

Офицерское сообщество интуитивно вырабатывает свои правила общежития и свою мораль, зачастую не совпадающую с официальной. В это время как никогда актуально понятие офицерской чести, которую, как выясняется, нельзя ввести по приказу и поменять с изменением политической системы; а офицера невозможно лишить чести ни по приговору суда, ни по решению парткома.

Именно в эту пору я семнадцатилетним пареньком поступил в Новосибирское высшее военно-политическое общекомандное училище; а через четыре года, получив в торжественной обстановке лейтенантские погоны, отправился служить в одну из гвардейских мотострелковых частей Южной группы войск (ЮГВ), которая располагалась на территории Венгерской Народной Республики. И это время полно забавных и поучительных случаев, неожиданностей и открытий, о которых я собираюсь рассказать.

Я и мои друзья-сослуживцы молоды, честолюбивы, но честны и полны планов – настолько же грандиозных, насколько, порою, и наивных…

Товарищ курсант, я вас узнал, или Честь имею!

Жаркий июльский полдень. Заместитель начальника училища полковник Абаев показывает расположение училища членам комиссии по приему государственных экзаменов. На лице его сдержанная, едва заметная улыбка – как следствие глубокого удовлетворения положением дел на территории. Все, что можно надраить – надраено, все, что можно побелить – побелено, все, что можно постричь – пострижено. Учебные группы передвигаются строем, молодцевато отдавая честь членам комиссии. Даже белки, обычно праздно шатающиеся в это время по дорожкам и газонам, куда-то исчезли. Все наполнено лаконичной параллельно-перпендикулярной военной упорядоченностью, неброской красотой, милой армейскому глазу.

Группа офицеров неспешно движется по городку.

– Обратите внимание – это общежития выпускного курса, – не без гордости произносит заместитель начальника училища. – Здесь курсанты живут в отдельных комнатах по два-три человека. Здесь они имеют возможность для качественной подготовки к занятиям и полноценного отдыха!

Члены комиссии одобрительно кивают.

И тут…

И тут происходит событие, описание которого в анекдотах про поручика Ржевского предваряется словами: «и тут такое началось!!!». Окно на четвертом этаже общежития с шумом отворилось, и оттуда вылетела бутылка. Описав параболическую траекторию, обусловленную начальной скоростью броска и земным притяжением, она с грохотом разбилась в трех-четырех метрах от группы офицеров во главе с Абаевым. Надо сказать, что если бы вместо винной бутылки на асфальт шмякнулся лупоглазый зеленый марсианин, это бы вряд ли произвело более сильное впечатление на очевидцев. Ну, по крайней мере, на замначальника училища – точно! В эпицентре «взрыва» просматривалась хорошо знакомая советским гражданам тех лет этикетка портвейна «777», в простонародье – «три топора». От нее радиально расходились брызги остатков коричневатой жидкости, столь почитаемой студентами, курсантами, представителями рабочего класса и небогатой, но гордой советской интеллигенции.

Оцепенение длилось недолго. Взор полковника через мгновение был обращен к пустому оконному проему на четвертом этаже. Но он с сожалением понимал, что какой-то доли секунды ему не хватило, чтобы «сфотографировать» «бомбиста».

Громким, хорошо узнаваемым по грассирующему произношению буквы «р», голосом Абаев все же крикнул:

– Товарищ курсант, я вас узнал!

Дело в том, что через несколько дней выпускался батальон, который четыре года назад Абаев набирал сам. Позже, получив повышение в должности, полковник продолжал плотно курировать своих подопечных вплоть до выпуска. Так в истории училища наш батальон получил наименование «второй абаевский». Прошло много лет, но мы до сих пор не устаем удивляться феноменальной памяти, быстроте реакции и кипучей энергии нашего первого комбата.

Бегая с нами утренний кросс, он без всяких записей отслеживал количество курсантов всех шестнадцати учебных групп в начальной и конечной точках маршрута и безошибочно вычислял любителей отсидеться в кустах. Ему принадлежит крылатая фраза: «Зарядка во втором батальоне отменяется лишь в случае, когда с неба будут падать КРУПНЫЕ камни!». Скрыться или пройти незамеченным мимо было практически невозможно. Он узнавал нас в сумерках и даже ночью. Узнавал спереди и сзади, в военной форме и гражданской одежде. Узнавал по походке, по голосу, по прическе и, как нам казалось, по дыханию. Он безошибочно

узнавал курсантов, принявших позу страуса на пляже у Обского моря по огрубевшим от ношения военной обуви пяткам.

Поэтому фраза «Товарищ курсант, я вас узнал» воспринималась как не подлежащий обжалованию приговор, как укус гюрзы, как контрольный выстрел.

…Пауза затянулась, но в окне никто не появлялся; казалось, из уст Абаева сейчас прозвучит, как раскат грома, фамилия – и какая-то рота в войсках не дождется своего замполита… Но этого не происходило, и самые отчаянные головы уже посетила крамольная фраза из сказки Киплинга.

Но полковник и не думал сдаваться.

– Товарищ курсант! Вы же без пяти минут офицер! Если у вас есть хоть малейшее понятие об офицерской чести, если вы не законченный трус и подлец – вы выглянете в окно!

Я до сих пор не знаю, кто метнул бутылку (без злого умысла – уверен!), но понимаю, какие душевные терзания он пережил. Дело в том, что понятие офицерской чести для нас не было пустым звуком. Да и с ярлыком труса, пусть присвоенным заочно, выпускаться вряд ли кому-то хотелось.

Сверху послышались какие-то звуки, показалась рука, открывающая шире оконную створку – и в оконном проеме возникла фигура курсанта. Он смотрел на стоявших внизу прямо, не отворачиваясь и не пряча взгляда.

Честь молодого офицера была спасена! И никакой он не трус! Подобно средневековому самураю, в непростой ситуации ему удалось сохранить лицо. Ну и что, что это лицо скрывала противогазная маска! Еще миг – и слоноподобное создание, издевательски помахав на прощанье рукой, скрылось в глубине общежития.

«Кто ты, прекрасное дитя?» – воскликнул бы Пушкин. До сих пор сей риторический вопрос остается без ответа…

Писателями не рождаются

Судя по всему, учебная программа политического училища была рассчитана на подготовку суперменов. На память приходят кадры из замечательного фильма-пародии «Великолепный» с Жан-Полем Бельмондо. С утра его герой – настоящий супермен, проснувшись и накинув на роскошный торс дорогой халат, сочинял несколько четверостиший, безукоризненно играл на рояле пару инвенций или фуг, обнимал потрясающую женщину и только после этого отправлялся утверждать в мире высокие идеалы гуманизма при помощи стальных мышц и стрельбы по-македонски. По тогдашней советской терминологии это называлось «гармонически развитая личность».

В учебной программе политических училищ того времени было великое множество разных дисциплин, курсов и факультативов. Часть предметов представляла собой квинтэссенцию господствующей идеологии и апеллировала, скорее, к душе и вере курсантов. Вторая часть предметов обращалась к разуму и интеллекту, подспудно отрицая сам факт существования души.

Нужно отметить: «интеллект» и «беззаветная преданность идеям» – вещи, по большому счету, трудно совместимые. Просвещение – вещь взрывоопасная, что в полной мере ощутили на себе русские (и не только) монархи.

Одним из многочисленных предметов учебной программы была русская и зарубежная литература. С первой частью (то есть литературой русской) мы были более-менее ознакомлены в школе, да и читали мы в бескомпьютерный век немало и без какого-либо принуждения. Но вот современная литература зарубежная…

Творения прозаиков стран социалистического содружества, отутюженные собственной национальной цензурой, трудностями перевода на русский язык и окончательной идеологической адаптацией для употребления гражданами страны победившего социализма были удивительно однообразны и скучны. Редким исключением являлись отдельные произведения, изредка появлявшиеся на страницах журнала «Иностранная литература», да непричесанные цензурой самиздатовские опусы, отпечатанные на папиросной бумаге, передаваемые друг другу исключительно по знакомству с сопроводительной фразой, произнесенной полушепотом: «Ну, сам понимаешь…».

* * *

Захожу в аудиторию, беру билет. Избирательный характер памяти доказывается тем, что я до сих пор помню содержание доставшегося мне билета номер семнадцать.

Вопрос первый: «Публицистика времен Великой Отечественной войны».

Вопрос второй: «Антиколониальная направленность романа Андре Стиля „Мы будем любить друг друга завтра“».

Первый вопрос мне знаком хорошо. Второй же вводит в ступор самим фактом своего существования. Отчетливо понимаю, что мой красный диплом горит синим пламенем.

Замечаю, что дверь в класс приоткрыта, и обращаюсь к невидимому наблюдателю с просьбой о помощи. Жестами показываю номер билета и стреляю из пальца себе в висок. По легкому шороху за дверью понимаю, что сеанс невербального общения достиг цели: очередной курсант, зашедший для сдачи экзамена, технично доставляет на мой стол сложенный в гармошку, исписанный бисерным почерком листочек бумаги. Я спасен! В моей плотно сжатой ладони – плод коллективного творчества нашей учебной группы: серия «Шедевры литературы в миниатюре», том семнадцатый.

Разворачиваю шпаргалку. При этом страшно волнуюсь в силу почти полного отсутствия опыта использования дидактического материала такого рода. Успеваю прочитать: «Андре Стиль родился в небогатой семье шахтера…».

Дальнейшее требует пояснения. С большим трепетом вспоминаю наших педагогов-женщин. Их работа была сродни миссионерскому служению. С одной стороны, основу воспитания курсантов составляли точные науки, уроки военного ремесла, культ силы и всепобеждающей воли; с другой – предложение поразмышлять об основах бытия, проявить свое творческое начало. С одной стороны – беспощадный бог войны, с другой стороны – музы, дочери Аполлона и Мнемозины.

Замечательные педагоги, святые женщины, осененные значимостью своей миссии! Входить в аудиторию, наполненную мужскими бушующими гормонами и шовинизмом молодых суперменов – и сеять разумное, доброе, вечное – сродни подвигу святой великомученицы Варвары.

Много лет спустя, в тяжелые девяностые, я встретил на вещевом рынке преподавателя литературы, торговавшую китайскими шлепанцами. Она долго смущалась и не могла, видимо, себе простить, что она первая, поддавшись внутреннему порыву, окликнула своего – видимо, чем-то запомнившегося ей бывшего ученика… Она виновато улыбалась, а я неуклюже и высокопарно пытался выразить свое отношение к ее большой роли в моем становлении.

Разбитое зеркало империи превращается в мириады маленьких кривых зеркал, в которых отражается трагикомическая судьба поколения – свидетеля того, как это самое зеркало выпало из обветшавшей рамы и плашмя грохнулось на твердь бытия.

…Итак, дрожащей рукой (не нашел другой формулировки) я развернул шпаргалку. «… Родился в семье шахтера и с детства познал тяготы подневольного труда».

Я поднял глаза и оцепенел. Дело в том, что наша преподавательница по фамилии Косицкая, словно в оправдание своей фамилии, была носительницей легкого дивергирующего косоглазия. Под несфокусированным взглядом преподавателя я почувствовал себя жителем Помпеи, которого вот-вот накроет облако раскаленного пепла. Я судорожно сжал в потной ладони «плод коллективного разума» и понял, что воспользоваться «шпорой» мне не суждено.

Но мысль судорожно работала. Родился в семье шахтера… Подневольный труд… Мирей Матье, одна из 14 детей каменотеса… 1956 год – война в Алжире… «Шербурские зонтики» с гениальной музыкой Мишеля Леграна… «Прощай, оружие» Эрнеста Хемингуэя… Антиколониальная направленность… 1961 год – год освобождения Африки…

Обычно писатели, закончив писать книгу, придумывают эффектный эпиграф. Я же, имея эпиграф, судорожно пишу книгу…

* * *

Иду отвечать. Первый вопрос – сам себе нравлюсь: «Испанский дневник» Михаила Кольцова, репортажи Ильи Эренбурга – я логичен и убедителен.

– Спасибо, достаточно, чувствуется, что этот вопрос вы знаете глубоко. Переходите ко второму вопросу.

И я перехожу.

– Замечательный прогрессивный французский (догадываюсь по фамилии) писатель Андре Стиль родился в многодетной семье шахтера и с детства познал все тяготы подневольного труда. – Вижу, что особого отрицания эта информация у преподавателя не вызывает, и продолжаю более уверенно. – Поэтому тема социальной несправедливости, антиколониальная направленность наиболее близки его творчеству. Франция ведет колониальную войну в Алжире…

Окрыленный тем, что члены комиссии излучают доброжелательность и изредка одобрительно кивают во время моего монолога, я рассказываю трогательную историю любви, оборванную войной. Речь льется все более уверенно, мой рассказ начинает наполняться сентиментальными подробностями, а глаза преподавательниц – слезинками. Еще мгновение – и я почувствую себя полноправным соавтором прогрессивного французского писателя.

Краем глаза замечаю, что наш педагог выводит в моей зачетке «отл.»! Помимо глубокого удовлетворения, это порождает в моей голове мысль о том, что я слишком увлекся и излишние подробности в повествовании могут привести к моему разоблачению. Поэтому с пафосом произношу несколько общих фраз, последняя из которых повторяет название романа, и умолкаю…

* * *

Учиненный мною тотальный опрос показывает, что романа «Мы будем любить друг друга завтра» никто не читал.

Нет этой книги и в училищной библиотеке.

Через много лет я узнал, что лауреат Сталинской премии и кавалер французского ордена Почетного Легиона Андре Стиль написал в 1956 году роман, весьма похожий на тот, что я сочинил на экзамене по зарубежной литературе.

Катарсис, или Встреча с прекрасным

Для привития навыков агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работы с самого начала нашего обучения в каждой роте из числа курсантов назначался замполит роты. В декабре эта почетная участь выпала моему другу Володе Саленко. К этому времени мы проучились четыре месяца – долгих четыре месяца адаптации к суровым будням военного вуза, огромных физических нагрузок, ежедневных занятий – в том числе полевых – по девять-десять часов, в условиях низких температур, почти полного отсутствия увольнений в город, перманентного конфликта желудочно-кишечного тракта с качеством и количеством столовской пищи. Вся система была направлена на подавление основных инстинктов курсантов-первокурсников, вследствие чего эти самые инстинкты никак не хотели сдаваться и были обострены до предела.

Как внештатный замполит роты и человек от воспитания интеллигентный, а от природы сердобольный, Володя мечтал сделать что-то приятное для всех нас. Чтобы светло, тепло, красиво, чтобы можно было съесть чего-нибудь вкусненького, чтобы не окликал тебя в любой момент строгий голос командира, чтобы не пахло сапогами и ружейной смазкой, чтобы можно было созерцать, а если повезет – то и познакомиться с прекрасной (а разве бывают другие?!) незнакомкой… Новосибирский государственный театр оперы и балета – вот то, что нужно!

Идею похода в театр командир нашей роты поддержал. В его фонотеке, хранившейся в канцелярии, были замечены грампластинки Бетховена, Вагнера и Чайковского. Поэтому предложение в ближайшую субботу организовать коллективное посещение сценического воплощения шедевра русской музыкальной классики – оперы Модеста Мусоргского «Борис Годунов» было встречено им с пониманием и даже с вдохновением.

Примечательным был тот факт, что в первое полугодие первого курса через частокол всяческих препятствий (нарушения дисциплины, недочеты в учебе, несоответствие, по мнению командиров, высокому нравственному и эстетическому идеалу) в увольнение просачивались единицы… А тут для посещения культурного мероприятия отпускались все, ВСЕ! – кроме суточного наряда! Никогда до этого, да и после (я так думаю!) у моих товарищей не было столь страстного стремления пообщаться с высоким искусством.

С момента получения известия о предстоящем походе в театр оперы и балета в расположении шестой курсантской роты произошли хотя и невидимые на первый взгляд, но все же очевидные изменения. Не стало слышно соленых армейских фразеологизмов; в расположении роты курсанты передвигались едва слышно, точно по паркету холлов храма искусства; даже на доске объявлений появился кем-то принесенный пожелтевший листок с либретто оперы «Борис Годунов» Новосибирского театра оперы и балета 1968 года постановки. А в бытовой комнате, то есть комнате для приведения формы в порядок (не в философском, а военном смысле этого слова) допоздна, по предварительной записи, до картонного стука отглаживались сорочки, брюки, кители и носовые платки…

* * *

Построение курсантов, убывающих в Новосибирский государственный театр оперы и балета, состоялось. Звучит команда «По машинам!», и два автобуса несут нас по Бердскому шоссе на встречу с прекрасным! За окнами автобусов мелькают декорации, порядком подзабытые нами за четыре месяца учебы: клубится пушистый снег, превращающийся в маленькие трассирующие пули около уже включенных уличных фонарей, ходят одетые в гражданское

люди, и женщины с восхищением смотрят на нас! Ну точно – на нас! Ну точно – с восхищением!

…Махина театра, подобная заботливой наседке с огромными распростертыми каменными крыльями, укрывает нас от декабрьского мороза и внешнего мира. Осторожно и торжественно идем по отполированным до блеска полам, несмело отражаясь в огромных зеркалах. Следуем в гардероб. Разыгравшееся воображение уносит в иные времена, когда пехотные офицеры после победоносных баталий, сменив пропахшее дальними походами и порохом полевое обмундирование на парадное, гордо ступали на паркет столичных театров и салонов.

Звучит театральный звонок. Обитые красным бархатом кресла партера принимают нас в свои объятия. Беломраморные скульптуры божеств греко-римского пантеона по периметру бельэтажа своим совершенством и наготой ненадолго смущают молодых воинов…

Гаснет свет, звучит увертюра. Все окружающее окрашивается в неожиданно нереальные цвета, участившееся дыхание становится неслышным. Невидимый симфонический оркестр, повинуясь взлетающим вверх и пикирующим вниз рукам дирижера, плотно наполняет окружающее нас пространство удивительными звуками.

Венчание на царство Бориса… В келье Чудова монастыря старец Пимен пишет:

Еще одно последнее сказанье,
И летопись окончена моя!

Далее следует сцена в корчме на Литовской границе, где пируют беглые монахи и будущий самозванец…

Пируют!!!

Володя Саленко окидывает взглядом зал и понимает, что многих ценителей прекрасного уже нет!

Наступает антракт, медленно свет заполняет зал, показывая, что мир не так совершенен, как мгновением раньше. Мы понимаем, что там, в Чудовом монастыре, на ступенях крыльца Кремлевских палат, была ИСТОРИЯ, были личности; а здесь – мы, всего лишь статисты театра под названием современная жизнь! О, как нам, молодым и честолюбивым, хочется оказаться в том судьбоносном моменте, где творится история!

Свет – великий художник всех времен и народов! Ведь зрение человека устроено так, что сетчатка глаза воспринимает только свет, исходящий, а чаще – отраженный от предметов, и ничего, кроме света! Только свет может обрисовать силуэт, проявить фактуру предмета, раскрыть его цветовую гамму. Да будет свет! Да скроется тьма!

И вот сейчас беглого взгляда на освещенный зал достаточно, чтобы определить, что обладателей алых погон, обшитых желтым кантом, в зрительном зале остались единицы!

Так где же все?! Конечно, в корчме!.. то есть в театральном буфете.

* * *

Театральный буфет советского времени! По замыслу «режиссеров» идеальной модели советской реальности, учреждения общественного питания в храмах культуры должны были дополнить и усилить ощущение восприятия прекрасного у посетителей театра. Здесь можно было встретить настоящую ветчину, сервелат, икру и многое другое. Все это было призвано сформировать у народа стойкое ощущение того, что высокое искусство и кулинарные изыски живут под одной крышей в гармонии и согласии… Надо сказать, что цены в театральных буфетах были… как бы это сказать поточнее… тоже «возвышенными». Но сегодня мы сказочно богаты, ибо накануне получили денежное довольствие в размере 8 рублей 30 копеек. (Именно

столько получал рядовой курсант в месяц; сержанты – на 2—3 рубля больше). Не бог весть какие деньги, но красиво посидеть в кафе один раз очень даже можно.

Помещение буфета заполнилось празднично одетыми людьми. Разговоры, все громче звучащий смех, звон посуды, стук столовых приборов, звук сдвигаемых столиков – все слилось в своеобразную полифонию, своего рода «Оду к радости». К бутербродно-кофейному запаху все отчетливее примешивались ароматы коньяка и шампанского, демонстрируя, что этот пир был реальным, а не бутафорским, как на сцене у самозванца и его приспешников.

Когда прозвучал третий звонок, возвещающий о начале второго действия, Володя Саленко с ужасом отметил, что никто из курсантов не покинул буфета. Он растерянно вглядывался в абсолютно счастливые, восхитительно глуповатые лица своих товарищей, и все яснее понимал, что нет силы, способной вернуть его подопечных в зрительный зал. Красивая идея – осчастливить товарищей посредством общения с высоким искусством потерпела крах: победа плоти над духом, материального над идеальным, полнейшее торжество самого что ни на есть вульгарного материализма было окончательным и бесповоротным!

Из оцепенения организатора культурного мероприятия вывело то, что кто-то тормошил его за плечо. Это был командир отделения из четвертой учебной группы, фамилию которого он и не помнил.

– Вовка! – почти кричал младший сержант. – Какой ты все-таки молодец! Мы так тебе все благодарны! Ты настоящий замполит! Да мы за тебя…

Не до конца вернувшись в реальность, Володя взял протянутый ему стакан, до половины наполненный золотистой жидкостью, и, не чувствуя ни вкуса, ни запаха содержимого, выпил залпом.

* * *

Если в зрительном зале на сцене на Россию надвигалась великая смута, то в буфете царила атмосфера праздника, замешанная на всепобеждающей любви ко всему человечеству и миру в целом. Звучали тосты во славу русского оружия, за дружбу и верность офицерским традициям и, конечно, за прекрасных дам, коих за столиками непостижимым образом становилось все больше. Здесь были подруги, специально приехавшие в театр, чтобы повидать своих парней; но бóльшую часть уже составляли барышни, которых смерч курсантского веселья закружил, оторвав от компаний, пришедших на встречу с оперным искусством. Поочередно за тем или иным столиком курсанты вставали и, манерно отставив локти, провозглашали тосты за присутствующих представительниц прекрасного пола.

Дважды чередой звонков были обозначены антракты между театральными действиями, но на это уже мало кто обращал внимание…

Тем временем на подмостках близился финал народной драмы. На подступах к Москве – войско Лжедмитрия. Хор, изображающий народ, потерявший политическое чутье, грянул многоголосое: «Слава тебе, царевичу!», следуя за самозванцем. Лишь Юродивый остается на сцене, предрекая России новые страшные невзгоды: «Лейтесь, лейтесь, слезы горькие!»…

В буфете, в силу отсутствия здравомыслящего юродивого, действие продолжалось и стало стихать лишь тогда, когда дежурный администратор, дама внушительной внешности, видимо, имеющая большой опыт в умиротворении участников различных застолий, трижды выключила свет в буфете.

Под слегка укоряющими, но добрыми взглядами гардеробщиц, курсанты наперебой спешили проявить свою галантность. С видом царственных особ девушки принимали на свои плечи скромные драповые пальто и видавшие виды овчинные шубки, выпрошенные на сегодняшний вечер у своих мам; и, взяв под руку своих кавалеров, следовали к выходу.

Прощание у автобуса было долгим и жарким.

И вот автобусы мчат нас туда, где любителей театра с нетерпением ожидают командир нашей роты и «другие официальные лица»… Несмотря на неотвратимо надвигающийся «разбор полетов» («Лейтесь, лейтесь, слезы горькие!»), в автобусе царит настроение, близкое к катарсису – что, собственно, и бывает после общения с высоким искусством.

* * *

Возле курсантской казармы мы выходим из автобусов, и вид дежурного по училищу, укоризненно поглядывающего на часы и демонстративно брезгливо поводящего носом, начинает нас настораживать. Беглый анализ сложившейся ситуации возвращает нас к суровой реальности: во-первых, мы приехали на два часа позже намеченного; во-вторых, приехали не все; в-третьих, кое-кто из приехавших не понял, что уже приехал…

Проверка, которую проводит лично командир роты, показывает, что около полутора десятков поклонников Мельпомены отсутствуют в расположении подразделения.

– Будем стоять в строю, пока не прибудет последний курсант! – объявляет командир.

Время от времени дверь медленно открывается, и показывается лицо очередного нашего товарища. Все явившиеся ведут себя так, как будто исполняют один и тот же этюд в театральном училище: невинность (круглые глаза) – удивление (вскинутые брови, пристальный взгляд на часы) – смущение – благородная обида (чуть выставленная вперед нижняя челюсть и прищуренные глаза). Закончив этюд, курсанты занимают свои места в строю.

…Время перевалило за полночь. Пребывание в армейском строю – одно из действенных средств для возвращения курсанта из мира грез к суровой действительности. Это еще раз подтверждается тем, что из строя начинают несмело звучать высказывания, носящие явно капитулянтский характер: мол, завтра занятия, каждый должен отвечать за себя, семеро одного не ждут… А в данный момент не семеро – сто с лишним человек ждали именно одного! И этим «одним» был курсант Алексей Грабов, который наиболее рьяно отстаивал право курсантов на культурное совершенствование и был автором статьи «„Борис Годунов“ – народная драма в четырех действиях» в ротной стенной газете.

Прошло еще немало времени – и вот наконец дверь в расположение роты распахнулась, и на пороге возникла фигура Алексея. Вопреки нашим опасениям, он твердо стоял на ногах, был опрятен и по форме застегнут на все пуговицы. Прикрыв за собой дверь, он решительно направился вдоль первой шеренги в направлении командира роты, стоящего перед строем.

Сейчас курсант перейдет на строевой шаг, доложит о прибытии командиру, четвертое действие народной драмы будет закончено, и мы отправимся спать. Но произошло неожиданное: Леша, не сбавляя хода, проследовал мимо командира роты, даже не взглянув в его сторону. Он продолжал движение вглубь казармы до тех пор, пока командир зычным, но чуть дрожащим от обиды и возмущения голосом, дважды не окликнул его по фамилии.

Только после этого Грабов, неловко балансируя, чтобы сохранить равновесие, остановился около щита со стенной газетой.

– Повернитесь, как положено, лицом к строю! Пусть товарищи посмотрят на вас! – рокотал баритон командира.

Грабов стоял перед строем. Счастливая улыбка, застывшая на его лице, никак не изменялась в течение всего монолога командира роты, содержавшего множество нелицеприятных слов в адрес «местного театрального критика». Но катарсис – высокое, сильное и глубокое чувство, его не способны омрачить мелкие неприятности!

Изрядно растратив запас крепких словечек, ротный, уже сам едва сдерживающий улыбку, язвительно спросил:

– Вы хоть помните, как называется опера?

– Конечно! – раздался ответ. – «Борис Богатков»[1]!

[1] * Борис Богатков (1922 – 1943) – поэт, участник Великой Отечественной войны, именем которого названа улица в Новосибирске.

Курсантская рыбалка

После второго курса обучения в политических училищах проходила наша месячная стажировка в должности командиров взводов. Не какая-нибудь практика, как в гражданских ВУЗах, а именно – «стажировка в войсках»! Или сокращенно – «стаж». Время, наполненное событиями, которые по какой-то, не до конца понятной, логике, остались в памяти под грифом «хранить бессрочно».

Итак, 1974 год, Забайкалье, станция Дивизионная, жара, июнь…

* * *

Сегодня суббота, а это значит – в полковом клубе будут танцы. Мы, конечно, старательно делаем вид, что это нас абсолютно не интересует. Но после обеда наше обмундирование тщательно выглажено, а хромовые сапоги со стоячими голенищами начищены до блеска.

Чтобы скоротать время, идем прогуляться по территории жилого городка. К нашему удивлению – на улице ни души. Говорят, что человек чувствует на себе пристальный взгляд другого человека. Мы же сейчас явно ощущаем отсутствие взглядов, и от этого нам немного неуютно.

– Так суббота же, все на реке! – раскрывает загадку дежурный по КПП.

Мы направляемся к реке Селенге и видим, что пологий берег вправду густо «заселен» отдыхающими компаниями. На расстеленных плащ-палатках и пледах – закуски и напитки, соответствующие дню недели. Офицеры, свободные от службы, жены, дети – все население городка здесь. Несмотря на жару, никто не купается: Селенга – река с норовом, с ее течением может не справиться и опытный пловец.

Наше появление не осталось незамеченным – это мы понимаем по уменьшению громкости женских голосов и направленным на нас оценивающим взглядам.

По закону природы молодые самцы, ощущающие повышенное внимание особей женского пола, делают все, чтобы это внимание удержать и укрепить. Павлины, например, распушают свои шикарные хвосты. Но у нас нет хвостов, что серьезно усложняет задачу.

Мишка Перков находит выход. Он подходит к полузатопленной лодке, на носу которой стоит мальчишка лет десяти с удочкой.

– Пацан! Дай дяденьке половить рыбку! – нарочито громко и развязно произносит Мишка.

Не смея отказать девятнадцатилетнему «дяденьке», паренек протягивает ему удочку.

– Только крючок не оборвите, – просит мальчик.

– Да я с удочкой родился! – гордо заявил Мишка, и с этими словами (сильно меня удивившими) взобрался на самый нос лодки и закинул удочку.

Надо сказать, что его ладная фигура в курсантской форме и сверкающих хромачах смотрелась на носу затопленного «баркаса» эффектно, не хуже ДиКаприо на «Титанике». Градус внимания к моему другу достиг апогея, в чем я успел ему немного позавидовать. Поплавок, подхваченный быстрым течением, летел слева направо и вдруг резко нырнул под воду. Весь «зрительный зал», включая галерку, замер…

Может, все-таки Мишка и родился с удочкой, но пользоваться ею не научился. Он рванул снасть с силой, рассчитанной на ловлю небольшой субмарины. Далее немало сил было потрачено им на то, чтобы устоять на носу лодки. Наконец он обрел равновесие и замер с поднятой вверх удочкой, а вокруг его головы на леске крутилось нечто бесформенное…

В наступившей тишине раздался голос мальчика:

– Ой, дяденька, вы гальдон поймали!!

Да, да! Именно так – и не иначе – воскликнул юный владелец удочки! И воскликнул с таким неподдельным удивлением и восторгом, да так громко, что даже те, кто находился в отдалении, поняли, что на крючке моего друга болтается не первой свежести презерватив.

Мощный хлопок смеха поднял в воздух дремавших на деревьях птиц. Смеялись офицеры, смеялись дети, включая младенцев. Но особенно издевательски звучал смех женщин – по крайней мере, так казалось моему другу. Смеюсь и я: хотя и понимаю полную безнравственность своего поведения в столь драматической ситуации, но ровным счетом ничего поделать с собой не могу. Да что там – смеюсь! В конвульсиях я падаю на дно полузатопленной лодки в лужу из тины и рыбьей чешуи. Никогда не думал, что смех требует столько энергетических затрат!

Через несколько минут поднимаюсь в безнадежно измазанном буро-зеленой жижей обмундировании, опустошенный и обессиленный. Меня бьет озноб и невыносимо болят мышцы брюшного пресса. Так в жизни я больше никогда не смеялся…

Прости, брат!

Неплохо изучив за два года Мишку, я хорошо знал, что самолюбие и главная болевая точка у него находятся в одном и том же месте.

Он поворачивается ко мне и каким-то чужим голосом произносит:

– Поклянись, что никому в училище об этом не расскажешь!

Я клянусь.

– Дай честное офицерское слово, – настаивает Мишка.

Даю.

– Дай честное партийное, – полушепотом, чуть слышно произносит мой приятель.

– Землю не надо есть? – пытаюсь отшутиться я.

Он бросает на меня такой недвусмысленный взгляд, что я тут же понимаю полную неуместность моей неуклюжей шутки и уступаю просьбе приятеля…

Мое обмундирование требует стирки, и это единогласно принимается в качестве причины того, что о походе на танцы сегодня не может быть и речи. На занятиях по философии мы уже проходили категории «повод» и «причина». И мы со знанием дела молчим вслух о том, что истинной причиной отказа от сегодняшнего похода в клуб является возможность встретиться там со свидетелями Мишкиного бенефиса на берегу Селенги…

Два года я был верен данному слову и хранил молчание, пока Мишка на каком-то застолье сам не рассказал о своем рыбацком трофее.

Барабанщики

На втором году нашего пребывания в училище командирам пришла в голову гениальная мысль: все учебные группы должны передвигаться по территории училища под барабанный бой. Начался процесс всеобщей барабанизации курсантских подразделений.

Наиболее прогрессивная часть курсантов (то есть все!) считала, что барабан есть фактор несвободы; и от одной мысли, что нужно будет попадать именно левой ногой в сильную долю барабанного боя, приходила в состояние благородного негодования. Мы? Под барабан?! Никогда! «Идут бараны и бьют в барабаны» – это не про нас!

По училищу прокатилась волна порчи ударных инструментов и забастовок барабанщиков. Но проявления антибарабанного радикализма были достаточно быстро подавлены командирами: испорченное имущество восстанавливалось за счет выявленных (или назначенных) виновников, а подготовка новых барабанщиков взамен сидевших на гауптвахте шла достаточно быстро.

Как бы то ни было, вскоре впереди каждого курсантского подразделения шагал барабанщик и по мере своих музыкальных способностей задавал темп движения взводов и рот.

В нашей «певческой» роте на должность барабанщика не претендовал никто. По крайней мере, на общем собрании никто открыто не вызвался взвалить на себя эту ношу… Решением командира роты барабанщиками были назначены руководитель вокально-инструментального ансамбля курсант Трифонов и прибывший недавно в наше подразделение из Рязанского автомобильного училища курсант Стрелков.

Если Трифонов был назначен барабанщиком, дабы искупить все грехи участников ансамбля, которым он руководил, то Мишка Стрелков попал «под раздачу» случайно – хотя такая популярность ему, в силу врожденного честолюбия, видимо, нравилась.

Вскоре мы поняли, что «всеобщая барабанизация» оборачивалась еще одним неудобством: все перемещения учебных групп по территории училища становились (какой бы подобрать глагол?) … осязаемыми. Бум-бум – идет учебная группа.

Бум-бум-бум, «стучали» барабанщики, и вследствие этого становились еще и невольными… ну, что ли, информаторами руководства о приближении жаждущих минимальной публичности курсантских подразделений. Так заложники известности сполна платили за свою популярность.

* * *

Дорога от первого учебного корпуса до расположения роты занимала минут десять, и для сотни полных жизни молодых людей – а уж тем более после занятий в субботу! – казалась долгой, длинной и ужасно скучной. Поэтому наш барабанщик иногда позволял себе маленькие вольности: перебивки в стиле Ринго Старра, неуставные тремоло и прочие музыкальные штучки, глубоко чуждые социалистической музыкальной культуре, но здорово поднимающие наше настроение и престиж барабанщика.

И вот, когда на полпути к казарме под невоенные джазовые перебивки в исполнении Кости Трифонова рота невольно начала игриво подпрыгивать, из кустов внезапно раздался возмущенный голос нашего ротного, категорически предписывающего всей галопирующей сотне немедленно остановиться.

Фактор внезапности, часто играющий в военном искусстве решающую роль, был на стороне командира роты.

– Курсант Трифонов, – решительно произнес командир роты, – выйти из строя! Рота, смирно!

Сотня сочувствующих пар глаз смотрели на нашего товарища, стоящего перед строем. Взволнованный (как нам показалось) голос нашего командира изрек:

– Курсанту Трифонову объявляю три наряда вне очереди за…

«За что???» – пронеслось в нашем сознании.

Дело в том, что краеугольный принцип юриспруденции «все, что не запрещено – разрешено» составлял одну из главных тайн государства победившего социализма. Но мы, курсанты второго курса политического военного училища, эту тайну знали! Играть перебивками, стучать по ободу барабана, вращать в руках барабанные палочки – все это не запрещалось ни одним документом!

Ведь и позже мы, будучи военными руководителями разного уровня, отчетливо ощутили, что поощрить или наказать «безнаказанно» человека невесть за что – нельзя! С удивлением мы узнавали, что солдата (прапорщика, офицера, да и генерала, черт побери!) нельзя поощрить за добросовестное исполнение служебных обязанностей. (Почему, спросите вы? Да потому, что добросовестное исполнение служебных обязанностей – это его долг!) А вот за проявленную при этом инициативу – можно! Но наказать за неправильную (игривую, легкомысленную) игру на барабане?..

«За что же, – терялись мы в догадках, – будет наказан наш товарищ?»

* * *

Но позволим себе создать интригу на несколько страниц вперед и вспомним еще один комический случай, связанный с барабаном.

Наша рота в чем-то провинилась, и комбат решил устроить нам перед обедом выволочку. Дело было ненастным предзимним днем. Накрапывал мелкий дождь. Учебные группы, особенно пришедшие с полевых тактических занятий и физической подготовки, жаждали активно поучаствовать в процессе «приема пищи»…

Рота стояла в линию взводных колонн на плацу училища, спиной к столовой, метрах в ста от нее. Комбат был убедителен, слегка ироничен (и это было не последнее его оружие) и изобретателен. Он говорил о верности долгу, о единстве армии и народа, о важности строевой слаженности курсантских подразделений…

Наконец звучит долгожданная команда:

– Рота! Повзводно! Правое плечо вперед, в столовую шагом марш!

Ротный барабанщик начинает движение, задавая бодрый ритм. Но личный состав роты сегодня демонстрирует отсутствие резвости в выполнении команд командира. Внешне – все чинно и пристойно, но напряжение внутренним трансформаторным гулом дает о себе знать. Попытка отправить мятежную роту на прием пищи вызывают показательное, нарочито неуклюжее топтание курсантского подразделения. Наверное, так дурно воспитанный молодой человек, приглашенный, как ему кажется, не очень симпатичной барышней на «белый танец», ленивыми движениями демонстрирует свое нежелание отдаваться танцу.

Наш комбат хороший психолог, и, дабы избежать конфронтации с закусившей удила массой, умело балансирует «на грани фола». Он возвращает курсантские группы в исходное положение и с присущим ему чувством юмора отпускает какую-то шутку.

О его величество смех! Скольких конфликтов удалось избежать благодаря этому врожденному человеческому свойству! Ученые выяснили, что естественный смех успокаивает нервы, способствует выделению «гормонов счастья» – эндорфинов и уменьшает количество гормонов стресса.

Мы смеемся и отчетливо ощущаем, что досада на плохую погоду, «несвоевременную» требовательность комбата и задерживающийся обед улетучивается! Этой мыслью я спешу поделиться со стоящим рядом моим товарищем Толей.

– А ты посмотри назад – еще веселее будет! – отвечает Анатолий.

Оборачиваюсь и вижу, что не расслышавший команду вернуться в исходное положение наш барабанщик Мишка, чеканя строевой шаг под собственный барабанный бой, подходит к столовой. Даже со спины видно, что он доволен собой и жизнью. Он снисходительно смотрит на почему-то остановившихся первокурсников и замершую на крыльце столовой с дымящейся папиросой в руке повариху Петровну, которую, казалось, в этой жизни удивить чем-либо практически невозможно.

Дойдя до места, где обычно командиры останавливают подразделения, Мишка замедлил шаг и обернулся.

Барабанный бой неоконченной музыкальной фразой повис над плацем. Метрах в ста в конвульсиях полулежала курсантская рота, как будто подкошенная картечью меткого артиллерийского выстрела. А за ротой возвышалась статная фигура командира батальона, который одной рукой старался удержать на своей голове папаху, подпрыгивающую от смеха…

* * *

– Курсанту Трифонову объявляю три наряда вне очереди за…

Рота замерла в ожидании вердикта.

– …за извращение игры на барабане!!! – отчеканил командир.

Так наш ротный показал оригинальный пример формулировки в дисциплинарной практике, а Костя стал, наверное, единственным военнослужащим в мире, получившим взыскание за извращение игры на музыкальном инструменте.

Портрет

Плац! Как много в этом звуке… Присяга на верность Родине, строевые занятия и смотры, вручение орденов и медалей, объявления о присвоении и лишении званий, инспекторские проверки, вечерние зори, приказы командира полка о зачислении в списки части и министра обороны об увольнении в запас… И хотя хлесткое, как звук удара подошвы солдатского сапога об асфальт, слово «плац» имеет немецкие корни, придумали устраивать большие площадки для построения и занятий войсковых подразделений еще древние римляне. Место такое они называли амбулакрумом, а упражнения пехоты на этой площадке – амбуляциями. Но длительная эволюция военной терминологии отправила римское название в запасники, отдав полное предпочтение короткому, как выстрел, немецкому варианту. Разве звучало бы: «Рота, построение на амбулакруме!»? Ужас! А вот «бегом на плац!» звучит, что ни говори, красиво!

Столь значимое место в жизни воинской части не могло остаться без идеологического воздействия. Наряду с лозунгами и выдержками из Уставов Вооруженных Сил, все чаще в 70-е плац обрамляли портреты членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Когда и какой рьяный начальник первым додумался до сооружения иконостаса на плацу – вряд ли кто вспомнит; но традиция эта прижилась. Многие командиры и политработники, будучи людьми неглупыми, в душе осуждали эти языческие декорации, но вслух свои мысли на сей счет предпочитали не высказывать.

Надо отметить, что в высший пантеон партийно-государственной власти попадали люди, мягко говоря, не молодые. Поэтому частая замена портретов была делом обыденным и вряд ли кем-то особо замечаемым.

Но вот что было интересно: чем старше становились члены высочайшего советского ареопага, тем моложе и краше выходили их лики из-под кистей кремлевских иконописцев. Народная египетская поговорка «Все боится времени, а время боится пирамид» здесь находила свое новое прочтение… С тысяч и тысяч портретов, больших и не очень, по всей стране моложавые лики партийных старцев назидательно смотрели на простых смертных и чуть заметно усмехались над вечностью…

Невольно вспоминался сюжет романа Оскара Уайльда, где юный красавец Дориан Грей, восхищенный своим портретом, не мог избавиться от мысли, что изображение всегда будет обладать тем, чего неизбежно со временем лишится он – обаяния молодости.

«О, если бы было наоборот! – восклицал Дориан. – Если бы портрет менялся, а я мог всегда оставаться таким, как сейчас! Я бы душу дьяволу продал за это!». Мольба была услышана, и желание исполнилось…

И хотя эта история с портретами руководителей страны повторяла сюжет романа с точностью до наоборот, трудно было отделаться от мысли, что и здесь без определенной доли бесовщины не обошлось.

* * *

Портреты «обитали» в учебниках по политподготовке, красных уголках и ленинских комнатах, клубах и, конечно, на строевых плацах. Именно на плацах масштаб изображений был наиболее впечатляющим. И если в других местах небольшие портреты имели полиграфическое происхождение, то здесь, как правило, красовались живописные лики кисти полковых художников. Поэтому каждый уважающий себя замполит полка в ходе осеннего и весеннего призывов, как золотоискатель, просеивал призывников в поисках самородков с художественным блеском.

Так в прошедший призыв из желающих (а желающих служить с кистью в руках было превеликое множество) был выявлен выгнанный с четвертого курса Суриковского художественного института Николай Крячков. Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова, созданный на базе легендарного московского ВХУТЕИНа[2], регулярно поставлял хороших рисовальщиков в Вооруженные Силы, внося посильную лепту в укрепление обороноспособности страны.

Рядовой Крячков блестяще справился с пробными заданиями: натюрморт, пейзаж и портрет коменданта гауптвахты. И вот наконец ему было доверено написание ПОРТРЕТА.

В силу исключительной важности задания Николаю было дано разрешение на покупку особых высокохудожественных красок. Еще с самого детства, благоговейно замирая перед портретами старых мастеров, он часами, каждой клеточкой своего тела воспринимал удивительный мягкий свет, исходивший от изображенных ликов. Позже он узнал, что эффект этот достигался, помимо особых приемов письма, еще и применением красок, включавших в состав вещества естественного природного происхождения. Для художника написать картину такими красками было так же почетно, как, наверное, чекисту пострелять из револьвера Дзержинского. На занятиях в «суриковке» преподаватели рассказывали про краски, которые готовят растиранием пигментов в отбеленном рафинированном льняном масле, с добавками орехового и подсолнечного. В Советском Союзе искусство принадлежало народу, и для воспитания 250 миллионов гармонично развитых личностей требовалось много красок и кистей. А где возьмешь орехового масла и колонкового меха на всех? Поэтому краски выпускались в большом количестве, и не на каком-то там отбеленном масле, а на настоящей синтетической олифе, сделанной из нефти путем промышленной возгонки. Пахли такие краски весьма противно, да и на холст ложились неважно. А тут за границей представлялась такая возможность!

Замполит полка, узнав, сколько стоит набор чудо-красок, искренне и по существу долго высказывался на эту тему. Да за такие деньги… Но после длительной внутренней борьбы мотивов, в очередной раз глубоко осознав значимость момента и то, что на портрете должен быть изображен САМ, распорядился выдать начальнику клуба деньги для закупки красок.

Сердце молодого художника наполнялось трепетом. Он поочередно брал в руки тюбики с красками, откручивал колпачки и медленно втягивал носом воздух, каждый раз замирая от восторга. В этих запахах было все: пряная волна экзотических островов Поля Гогена, ароматы таверн Диего Веласкеса, напоенный зноем мадридский воздух Пикассо, пьянящий бриз Айвазовского… Николай не удержался и украдкой попробовал содержимое нескольких тюбиков на вкус, что привело его в еще больший восторг. Творческий экстаз овладел им! Он поставил поудобнее подрамник с загрунтованным холстом и решительно взял мольберт и кисть…

* * *

Работа спорилась. Да и как может быть иначе, если твоей рукой водит вдохновение! Несколько раз заходил замполит, смотрел, одобрительно кивая, и потихоньку затворял за собой дверь.

Под вечер зашел и начальник штаба полка. Окинув взглядом уже хорошо узнаваемые контуры портрета, одобрительно похлопав Крячкова по плечу, он произнес:

– Молодец, Паганини!

И удалился.

(Пройдет немало лет и станет выясняться, что многие с младых ногтей, оказывается, понимали утопичность коммунистических идей, и не сжимали в потной от волнения ладошке октябрятскую звездочку, не гордились красным пионерским галстуком, не пели комсомоль-

[2] * ВХУТЕИН – Высший художественно-технический институт СССР в 1925 – 1930 гг.

ских песен, не писали стихов и не снимали фильмов о Ленине, не рисовали портретов партийных вождей; да и партийный билет каждому гордому, держащему фигу в кармане, демократу, в тот же карман положили почти насильно! Это ни много ни мало – 19 миллионов партийных билетов к 1985 году! Ни дать ни взять – очередной акт трагифарса об Иване, не помнящем родства!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.